

Робу

За все, что ты сделал
и еще сделаешь для меня.

Над желтым наклонясь цветком,
Тобой, малюткой-мотыльком,
Я любовался и не знал,
Нектар вкушал ты или спал.
И был ты неподвижней вод
Объятых льдом морей.
Счастливым будет ли полет,
Когда внезапный ветер найдет
тебя среди ветвей?

Останься с нами! Мы с сестрой
Тебе подарим садик свой.
Здесь отдохнут твои крыла.
Тебе не причиним мы зла!
Будь гостем нашим дорогим,
Присядь на куст близ нас.
О детских днях поговорим,
Их летний свет неповторим,
И каждый долгим был — таким,
Как двадцать дней сейчас.

*Уильям Вордсворт. «Мотыльку»**

* Перевод И. Меламеда.

Когда закрывается одна дверь,
открывается другая.

Мигель де Сервантес. «Дон Кихот»

Это случилось в ноябре. Я отчетливо помню пепельно-серое небо и туман, висящий в двух футах над лужайкой. Запах опавшей сырой листвы и давно догоревшего костра. Казалось, сад чем-то подавлен. Не знаю, важны ли вообще погода, но о ней часто пишут в завязке рассказа. Хотя, наверно, я все усложняю. Можно было бы сразу перейти к письму. В конце концов, эта история началась именно с него. Оно — причина всего, что случилось дальше.

Я бросила конверт на кухонный стол и включила чайник. Чтобы собраться с силами и вскрыть его, определенно требовалась изрядная порция кофеина. Аппетит пропал, но, чтобы еще немного отсрочить неизбежное, я засунула ломтик хлеба в тостер и снова уставилась на послание. На пухлом конверте богатого кремового оттенка красовались мое имя и адрес, отпечатанные на машинке. Могла бы догадаться. Отправитель посчитал содержимое настолько важным, что пришлось подписать уведомление о вручении. Я поставила конверт рядом с хлебницей, достала свой бокал с надписью «лучшая мама на свете», опустила в него чайный пакетик и принялась обмахиваться письмом, словно веером. Хотелось потянуть время, потому что ясно было: как только открою его, моя жизнь уже не будет прежней.

Чтобы еще немного продлить состояние блаженного неведения, пришлось вернуть конверт на стол и вместе с кружкой чая отойти к окну, выходящему в сад. В тени

каштана все еще была припаркована желто-красная машинка Дилана. Крыша покрылась мхом, что вполне естественно, ведь он не притрагивался к ней столько лет. Его песочница в форме черепахи буквально вросла в газон, где трава давным-давно пожухла. Все его детство пронеслось передо мной. Прекрасные воспоминания о чаепитиях, которые устраивались в кукольном домике для плюшевых медведей, когда он думал, что никто не видит. Теперь он утверждает, что никакого чайного сервиза не было, но тот все еще хранится на чердаке, бережно обернутый бумагой, в ожидании моих будущих внуков. Я представила, как Дилан сидит в одиночестве, обложившись книгами, в своей комнате университетского общежития, а его живот бурчит от голода в ожидании хоть какого-нибудь обеда. Мы с Ральфом привезли ему целую коробку кастрюль, сковородок и разной утвари для общей кухни. Правда, для фруктов и овощей места в холодильнике не нашлось. Полки заполняли куда более важные продукты: пиво, водка и символический пучок зеленого салата. Я тогда подумала, что правильное питание будет забыто в первом же семестре. Рядом не будет никого, чтобы проследить, ест ли он пять раз в день, пьет ли достаточно воды и не объедается ли мармеладными поросятами*. Так оно и вышло. Теперь его рацион состоит исключительно из пиццы от «Домино», сырных трубочек «Дэйрилия Дункерс»** и любого пива, которое на этой неделе продается в «Тэско» со скидкой.

* Мармеладные поросята «Перси Пиг» — чрезвычайно популярное в Великобритании лакомство, которое можно купить в магазинах сети «Маркс энд Спенсер».

** «Дэйрилия Дункерс» — популярная закуска, представляющая собой сырные трубочки, изготовленные с добавлением кукурузной и картофельной муки. Продается, как правило, в комплекте с соусом.

Кроме того, он утверждает, что в первом семестре «никто» толком не учится. Теперь хоть понятно, почему наше здравоохранение в таком состоянии. Я ополоснула чашку и поднялась в комнату Дилана, где на голых стенах еще заметны следы скотча, на котором держались постеры. Упав в его кровать, погладила пуховое одеяло с Манчестером. Всю его жизнь можно проследить по одеялам. Самое первое было с маленькими кроликами и уточками на бледно-голубом фоне. Потом были телепузики, Боб-строитель* и период увлеченности Барби, что, не скрою, меня немного смущало. Но ее вскоре сменили «Предвестники бури», которые в свою очередь уступили место нынешнему варианту. Но для университета он выбрал однотонное «взрослое» одеяло. Пожалуй, именно тогда я осознала, что его детство действительно закончилось.

Теперь сын изучал медицину в Ньюкаслском университете, а меня распирало от гордости. Ему пришлось как следует постараться. А учитывая, что его отец оставил нас именно в тот момент, когда Дилан учился в старших классах, иначе как чудом это не назовешь. Я так и не простила Ральфа за это. Но, когда секретарша на седьмом месяце и вот-вот родит тебе близнецов, что еще остается? Я снова почувствовала знакомый привкус горечи. Годами мы пытались зачать еще одного ребенка, но ничего не вышло. Стараясь скрыть разочарование, я направила всю свою энергию на воспитание Дилана, а Ральф предпочел трахать секретарш. Их длинную вереницу замкнула та самая Сюзи, мать двойняшек. Уверена, что он их очень любит, но наблюдать за тем, как мой бывший пытается исполнять капризы двух малышей и молоденькой женоушки, у которой интеллект ненамно-

* Боб-строитель — герой популярного одноименного многосерийного мультфильма.

го выше, по меньшей мере, забавно. Естественно, Сюзи пришлось оставить свой пост, и теперь его занимала ухоженная пожилая дама в твидовой юбке. И что-то подсказывало мне, что выбор пал на нее не случайно. Ральфу исполнилось пятьдесят пять. Мы ровесники. Наверняка ему хотелось спокойной размеренной жизни: пару раз в год отправляться с друзьями в гольф-тур, водить спортивный автомобиль, а по вечерам расслабляться с бокалом хорошего вина и книгой в руках. Вместо этого он стал отдыхать только там, где есть детский клуб, и водить микроавтобус. Это единственная машина, которая вмещает все, что необходимо в поездках его новой семье. Что касается беззаботных вечеров, о них теперь можно было только мечтать. Полагаю, двойняшкам перед сном требуется особенно много внимания. Приходится часами катать их вверх-вниз по лестнице и изобретать все новые и новые изощренные развлечения, чтобы хоть как-то занять малышей. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

С того дня, как Ральф ушел, я знала, что это письмо придет, и все же не была готова его открыть. Как бы это ни звучало, прочесть слова, которые официально положат конец моему браку, мне не хватало духу. Я закрыла дверь в комнату сына и решительно направилась вниз, ощутив внезапное желание поскорее покончить с этим. Вскрыла письмо и провела пальцем по бумаге того же изысканного кремового цвета. Чтобы приступить к чтению, пришлось опустить очки с макушки на нос. «Дорогая миссис Ричардс...» Дочитав до конца, я осознала, что едва держусь на ногах. Вовсе не адвокаты Ральфа адресовали мне это послание.

Вайолет Добс изучала свое отражение в треснутом зеркале над раковиной. Следы их ужина все еще плавали в миске с холодной водой: разбухшие крошки, горошины, маслянистые лужицы. Вылив содержимое, она очистила сливное отверстие, вытерла руки о кухонное полотенце и вернулась к зеркалу. Двумя пальцами разгладила вертикальные морщинки между бровей, которые появились совсем недавно. Нужно перестать хмуриться. Позади нее Тара, завернувшись в толстое покрывало, громко стучала зубами. Изнутри оконные стекла начал покрывать кружевной узор инея.

Вайолет снова сдвинула брови, но тут же вспомнила о решении больше не хмуриться, которое приняла пару секунд назад.

— Ты в порядке, детка?

— Нет, не в порядке. Нам точно надо идти, мам? Сегодня чертовски холодно.

— Следи за языком, Тара, — она нанесла красную помаду и сжала губы. — Да, *мне* точно придется идти, потому что нам нужны деньги.

Обернувшись к дочери, она мягко продолжила:

— Детка, я знаю, что ты не любишь ходить со мной, но какой у нас выбор. Останешься здесь одна?

— Нет! — Тара прижала к груди бутылку с горячей водой. — Я ни за что не останусь одна, пока *он* внизу. — Она натянула грубое армейское одеяло серого цвета до подбородка, словно оно могло дать ей защиту.

— Тара, милая, даже если он придет и будет стучать в дверь, просто не открывай ему.

— Но он хозяин всего дома, мама, как я его остановлю? У него же есть ключи.

— Ты не права, — Вайолет покачала головой. — Уверена, есть какие-то законы на этот счет. Он может владеть всем домом, но эту комнату снимаем мы. И платим за нее. — Вайолет заметила, как дочь подняла брови. — И не смотри на меня так, Тара. Мы платим, когда есть возможность.

Женщина снова взглянула в зеркало и пальцем стерла с зубов следы красной помады.

— Именно поэтому мне и нужно идти. — Она внезапно исполнила пируэт. — Ну, как я выгляжу?

— Прекрасно. Ты и сама это знаешь.

— О, ничего подобного. Только посмотри на эти ужасные морщины на лбу.

— О да. Мне бы так ужасно выглядеть.

Вайолет плюхнулась на кровать и коснулась холодной щеки дочери.

— Ничего ты не понимаешь, милая, — она указала на свое лицо. — Видишь, сколько косметики приходится наносить? А ты, ты восхитительна с раннего утра, когда открываешь глаза, до позднего вечера, когда вновь ложишься в кровать. Тебе ничего не нужно делать для этого. Ты молода и прекрасна.

Тара сложила руки на груди и насупилась.

— Ты просто говоришь так. А на самом деле я далеко не такая симпатичная, как ты.

— Всему свое время, Тара. Не спеши взрослеть. У тебя все впереди. — Вайолет чмокнула дочь в щеку. — Думаешь, у меня были такие скулы в четырнадцать? Думаешь, в школьные годы у меня уже была такая фигура? — она покачала головой. — Я была плоской, как доска. Мальчики в мою сторону даже не смотрели.

— Хватит, мам! Ты в четырнадцать меня родила.

Вайолет опустила глаза и уставилась на кровать.

— Ну... да... так... Но это было... другое.

Тара теребила покрывало, вытягивая из него пучки нитей.

— Где он сейчас?

— Я понятия не имею, где сейчас твой отец, родная. И тебе это известно. Его родители переехали в Монголию, и ему пришлось последовать за ними. — Вайолет хлопнула в ладоши, обозначив этим конец разговора.

Но Тара проигнорировала этот жест.

— Думаешь, он остался бы, если бы знал обо мне?

— Абсолютно уверена. Мы были очень молоды, но любили друг друга по-настоящему, — она заправила дочери за ухо выбившуюся прядь волос. — Но нам ведь и вдвоем неплохо, верно? Я так стараюсь. Ведь ты все для меня. Помни об этом.

Громкий стук в дверь заставил их вздрогнуть.

— Открывайте, это Колин.

— Господи боже... — прошептала Вайолет и подмигнула Таре. — Эмм... Какой еще Колин?

— Не притворяйся, Вайолет. Тот, которому ты должна за комнату.

— Я помню об этом. И ты получишь деньги на следующей неделе.

— Я тебя предупреждал и больше ждать не собираюсь. Ты не оставляешь мне выбора, — звякнула связка ключей.

— Он сейчас войдет сюда, — прошептала Тара, вцепившись в руку матери.

Вайолет встала с кровати и уперлась руками в бедра.

— Я не боюсь, — сказала она.

Колин распахнул дверь и ворвался в комнату. Из-под короткого жилета торчал волосатый живот.

— Ты задолжала за четыре недели, дорогуша. С меня хватит.